

КОРОЛЕВСКАЯ АНАЛОСТАНКА

ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ

I

— Мя-я-со! Мя-я-со! — пронзительно разносилось по Скримперскому переулку.

Все кошки околотка сбегались на этот призыв. А собаки отворачивались с презрительным равнодушием.

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздавалось все громче и громче.

Наконец появился грязный, всклокоченный человек с тачкой. Со всех сторон к нему спешили кошки. Через каждые пятьдесят шагов, как только кошек собиралось достаточно, тачка останавливалась. Человек доставал из ящика вертел, унизанный кусочками сильно пахнущей вареной печенки. Длинной палкой он поочередно спихивал эти кусочки с вертела. Каждая кошка хватала по куску, прижав уши, и, метнув злобный взгляд, с урчаньем бросалась прочь, чтобы наслаждаться добычей в надежном убежище.

— Мя-я-со! Мя-я-со!

Все новые и новые пенсионерки¹ прибывали за своими порциями. Все они были хорошо известны продавцу печенки. Вот Тигровая — Касильоне, вот Черная — Джонса, вот

¹ Пенсионерка, пансионерка (*устар.*), от pension (*фр.*) — лицо, пользующееся предоставляемым ему пансионом (полное обслуживание: жилье, питание, уход).

Черепашовая — Пралицкого, вот Белая, принадлежащая мадам Дантон. Там вон крадется Ангорская — Бленкинсофа. А тот, что залез на тачку, старый Оранжевый Билли — кот Сойера, наглый плут, хозяин его очень плохо платит. Каждого надо помнить. Вот бежит кошка, хозяин которой аккуратно вносит свои десять центов в неделю. Зато вот та, другая, ненадежна. А вот кот Джона Уаши: этот получает кусочек поменьше, потому что Джон задерживает платеж. Разукрашенный ошейником и бантами крысолов трактирщика получает добавочную порцию в награду за щедрость хозяина. Не менее счастлива и кошка сборщика податей, хотя сборщик не дает, а требует деньги. Вот доверчиво прибегает черная кошечка с белым носиком, но — увы! — ее беспощадно отталкивают. Бедняжка не понимает, что случилось. Она получала печенку в течение долгих месяцев. Почему такая жестокая перемена? Но продавец печенки хорошо знает, в чем дело: ее хозяйка перестала ему платить. У него нет никаких книг, он руководствуется только памятью, и память его никогда не обманывает.

Кошки, не числившиеся, так сказать, в списках аристократии, дожидались на почтительном расстоянии, надеясь на счастливую случайность. В числе этих прихлебателей находилась одна серая жительница трущоб, бездомная кошка, пробавлявшаяся чем бог послал, тощая и грязная. Одним глазом она следила за тачкой, а другим поглядывала, не подстерегает ли ее собака. Десятки кошек удалились, получив свою долю печенки, а у нее все еще не было никакой надежды на завтрак. Но вот большой кот, такой же бездомный, как и она, напал на одну из пенсионерок, чтобы отнять у нее добычу. Жертва выронила мясо, готовясь к обороне. Пока они дрались, серая трущобница схватила кусок и была такова.

Она проскользнула в боковую калитку, перескочила через заднюю стену, затем уселась, проглотила кусок печенки, облизнулась и, блаженствуя, отправилась окольными путями к свалке, где на дне старого ящика от бисквитов дожи-

далось ее семейство. Вдруг она услышала жалобное мяуканье. Она помчалась к своим детенышам и увидела большого черного кота, преспокойно пожиравшего ее котят. Кот был вдвое больше ее, но она набросилась на него с такой яростью, что он, застигнутый на месте преступления, повернулся и бросился бежать. Из котят уцелел всего один — маленький серый котенок, похожий на мать, но с черными полосками на спинке и белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста.

Первые дни мать горевала безмерно. Но потом горе ее утихло, и вся любовь и забота сосредоточились на оставшемся в живых малыше. Черный кот, пожирая котят, конечно, не собирался сделать доброе дело, а между тем он оказался невольным благодетелем и матери, и ее детеныша: легче выкормить одного котенка, чем многих. Ежедневные поиски пищи продолжались. Продавец печенки редко приносил ей счастье, но в мусорных ящиках всегда бывала картофельная шелуха, которой можно было заглушить голод.

Однажды ночью мать-кошка почувала чудесный запах. Он доносился с реки. Этот запах привел кошку в док, а оттуда — на набережную. Услышав внезапное рычанье, она поняла, что путь к бегству отрезан ее давнишним врагом, собакой с верфи. Выбора не было: она перескочила на судно, с которого доносился чудесный рыбный запах. Собака осталась на берегу, и когда утром рыбацье судно отправилось в плавание, кошка поневоле отчалила на нем, и больше ее никто никогда не видел.

II

Напрасно дожидался матери трущобный котенок. Утро пришло и прошло. Котенок сильно проголодался. Перед вечером он пустился в поиски за пищей. Он вылез из ящика и стал ползать по мусорным кучам, обнюхивая все, что казалось съедобным, но не находил ничего. Наконец он достиг деревянных ступенек, спускавшихся в подвальную

лавку продавца птиц, Японца Мали. Дверь была приоткрыта. Котенок вступил в целый мир едких и странных запахов. Он увидел множество заключенных в клетки живых существ.

На ящике в углу сидел негр. Негр заметил маленького незнакомца и стал с любопытством следить за ним. Котенок миновал несколько клеток с кроликами, не обратившими на него внимания. Но вот он подошел к клетке с широкой решеткой, в которой сидела лисица. Знатная дама с пушистым хвостом находилась в самом дальнем углу клетки. Она приникла к земле. Глаза ее загорелись. Котенок приблизился, принюхиваясь, к решетке, просунул голову внутрь, еще раз понюхал, затем двинулся к миске с едой — и в тот же миг был схвачен караулившей его лисицей. Послышалось испуганное «мяу!», и сразу кончилась бы кошачья жизнь, если бы не вмешался негр. Оружия у него не было, войти в клетку он не мог, но он запустил в морду лисицы такой решительный плевок, что та мгновенно выронила котенка и забилась в угол, мигая глазами от страха.

Негр вытащил котенка из клетки. Сотрясение ошеломило его. Малютка был невредим, но словно одурманен. Он, шатаясь, сделал несколько шагов и стал понемножку приходить в себя. Несколько минут спустя он мурлыкал на коленях у негра. Тут в лавку вернулся продавец птиц, Японец Мали. Японец Мали родился вовсе не в Японии, а в лондонском предместье. Но у него на месте глаз были такие крошечные прорезы, косо расставленные на плоском круглом лице, что настоящее его имя было забыто, и все называли его Японцем. Он не был жесток к птицам и животным, которыми торговал. Он только соблюдал свою выгоду и знал, что ему нужно. Ему не был нужен трущобный котенок. Негр накормил малыша всласть, затем отнес его в отдаленный квартал и покинул там на дворе железного склада.

III

Одного обильного обеда вполне достаточно на два-три дня. Наевшийся котенок был очень оживлен и весел. Он обрыскал груды мусора, любопытно поглядывал на висевшие за окнами далекие клетки с канарейками, заглянул через забор, увидел большую собаку, потихоньку спустился обратно, разыскал защищенное местечко на самом припеке и проспал там целый час.

Его разбудило легкое фырканье. Перед ним стоял большой черный кот со сверкающими зелеными глазами. На одной щеке его белел рубец, и левое ухо было прорвано. Глядел он совсем неприветливо. Уши его шевелились, хвост подергивался, и в горле раздавалось глухое клокотанье. Котенок простодушно пошел к нему навстречу. Он не узнал губителя своих братьев. Черный кот потерся мордой о тумбу, затем медленно, спокойно повернулся и исчез. Последнее, что котенок увидал, был кончик его хвоста, подергивавшийся вправо и влево. И малыш никогда не узнал, что был так же близок к смерти, как в ту минуту, когда отважился войти в клетку лисицы.

Вечером котенок почувствовал голод. Он внимательно изучил длинный невидимый и разнородный поток воздуха, именуемый ветром. Выбрав наиболее интересное из его течений, он побрел ему навстречу, повинаясь указаниям носа. В углу двора оказался ящик с мусором, в котором ему удалось разыскать немного пищи. Поев, он напился из кадки с водой, стоявшей под краном. Всю ночь он старательно изучал двор. Следующий день, как и предыдущий, он провел в сладком сне на солнышке.

Так шло время.

Иногда он находил в мусорном ящике целый обед, иногда ничего не находил. Однажды он застал там большого черного кота, но осторожно удалился, прежде чем тот успел его заметить. Кадка с водой почти всегда стояла на своем месте, а когда ее уносили, на камне под краном оставались мутные лужицы. Но мусорный ящик был чрезвычайно ненадежен.

Однажды он на целых три дня оставил котенка без еды. Малыш пошарил вдоль забора и, отыскав небольшое отверстие, вылез на улицу. Не успел он как следует оглядеться, как вдруг что-то ринулось, зашумело: на него налетела с размаху большая собака. Котенок едва успел проскочить обратно на двор сквозь дыру в заборе. Он был страшно голоден. К счастью, он нашел немного картофельной шелухи, слегка заглушившей его мучения. Утром он не лег спать, а снова отправился на промысел.

Во дворе щебетали воробьи. Они и прежде бывали здесь, но теперь котенок глядел на них другими глазами. Неотступное чувство голода пробудило в нем хищнические инстинкты. Теперь эти воробьи были добычей, были пищей. Котенок припал к земле и стал подкрадываться к воробьям. Много раз он повторял попытку, но безуспешно: воробьи были проворнее его и всегда улетали вовремя. Наконец он понял, что хотя воробьи — пища, но пища недосыгаемая.

На пятый день этого незадачливого житья трущобный котенок снова отправился на улицу, надеясь чего-нибудь поесть. Когда он отошел на порядочное расстояние от щели в заборе, несколько маленьких мальчиков принялись обстреливать его кирпичами. Он пустился бежать. К погоне присоединилась собака. Положение беглеца становилось безнадежным. Но вдруг он увидел железную решетку перед фасадом дома и укрылся за нею, еле успев увернуться от собаки. В окне наверху показалась женщина, прикрикнувшая на собаку. Она бросила бедняжке обрезок мяса, и котенок полакомился, как никогда еще в жизни. Затем он забился под навес, просидел там до тех пор, пока наступившая ночь не принесла с собой покоя, и тогда, словно тень, проскользнул обратно в свой двор.

Такая жизнь длилась два месяца. Котенок вырос, возмужал и хорошо изучил опасности. Он познакомился с Даун-стрит, где каждое утро появлялись ряды мусорных ящиков. Для него большой дом был складом мусорных ящиков, всегда полных лучшими рыбными отбросами.

Он вскоре познакомился также с продавцом печенки и примкнул к робкой стае кошек, за которых никто не платил. Пришлось ему встретиться и с собакой с верфи и с другими страшными псами. Он узнал, как они злы, и научился их избегать.

Вскоре, к своему счастью, он изобрел новый промысел. Многие кошки топтались в напрасной надежде вокруг заманчивых бидонов с молоком, которые оставляет по утрам на порогах и подоконниках молочник. Счастливая случайность однажды натолкнула нашего котенка на бидон со сломанной крышкой. Это научило его поднимать и целые крышки и напиваться всласть. Откупорить бутылку он, разумеется, не мог, но ему немало попадалось бидонов с плохо прилегающей крышкой. Наш котенок усердно разыскивал такие бидоны. Мало-помалу он изучил весь свой квартал. Проникая все дальше, он наконец снова очутился среди бочонков и ящиков заднего двора, за лавкой продавца птиц.

Двор железного склада всегда оставался для него чужим, но тут в нем сразу проснулось чувство собственности, и он отнесся с негодованием к появлению другого котенка. С угрожающим видом он двинулся к пришельцу. Дело уже дошло до фырканья и урчания, когда выплеснутое из верхнего окна ведро воды залило обоих и основательно охладило их пыл. Они бросились в разные стороны: незнакомец — через стену, а трущобный котенок — под тот самый ящик, в котором он родился. Эти задворки были необычайно милы его сердцу, и он вновь обосновался здесь на жительство. В этом дворе пищи было так же мало, как в прежнем, и вовсе не было воды, но зато его посещали вкуснейшие мыши. Благодаря этим мышам наш котенок скоро нашел себе друга.

IV

К этому времени котенок превратился уже в большую, красивую кошку, пятнистую, словно тигр. Ее бледно-серую шкурку украшали черные полосы, а четыре белых пятна на носу, хвосте и ушах придавали ей чрезвычайно изящный вид.

Несмотря на то что она отлично умела отыскивать пищу, ей иной раз приходилось голодать по нескольку дней, и тогда она снова безуспешно принималась охотиться за воробьями. Она была совсем одинока.

Однажды в августе, когда киска нежилась на солнце, она увидела большого черного кота, который шел прямо к ней. Она тотчас узнала его по рваному уху, попятилась к своему ящику и спряталась в нем. Черный осторожно двигался вперед, легко перепрыгнул со стены на сарай в конце двора и стал переправляться через его крышу, как вдруг перед ним вырос желтый кот. Черный уставился на него с рычаньем, желтый отвечал тем же. Хвосты их злобно извивались. Крепкие глотки рычали и урчали. Они приблизились друг к другу с прижатыми к затылку ушами, с напряженными мускулами.

— Яу-яу-яу! — сказал черный.

— Уау-у-у! — прозвучал в ответ здоровенный бас.

— Я-уау-уау-уау! — сказал черный, придвигаясь на четверть дюйма ближе.

— Яу-у-у! — ответил желтый. Выпрямившись во весь рост, он с необычайным достоинством сделал шаг вперед. — Яу-у! — И он ступил еще раз, хлеща себя по бокам хвостом.

— Я-уау-яу-у! — взвизгнул черный, повышая тон, и отступил на осьмушку дюйма перед широкой непреклонной грудью противника.

Вокруг открывались окна, слышались людские голоса, но кошачья ссора не прерывалась.

— Яу-яу-у! — загремел желтый, понижая голос по мере того, как голос черного повышался. — Яу! — И он шагнул вперед.

Теперь между их носами было каких-нибудь три дюйма. Они стояли боком, оба готовые вцепиться друг в друга, но дожидаясь, чтобы начал враг. Минуты три они молча пожирали друг друга глазами, неподвижные, как изваяния; шевелились только кончики их хвостов.

Затем желтый начал снова:

— Я-у-у! — низким басом.

— Я-а-а-а! — завизжал черный, стараясь вселить ужас своим воплем, но в то же время отступая на одну шестнадцатую дюйма.

Желтый ступил вперед на полдюйма. Теперь усы их смешались. Еще шаг — и носы их чуть не столкнулись.

— Я-у-у! — злобно прорычал желтый.

— Я-а-а-а-а! — взвизгнул черный, отступая на тридцать вторую часть дюйма.

Желтый воин ринулся вперед и вцепился в него.

О, как они кувыркались, кусались и царапались! Как они кусали, таскали и мяли друг друга! Особенно отличался желтый.

Кубарем, через голову, иногда один сверху, иногда другой, но чаще желтый, они катились все дальше и дальше, пока не свалились с крыши под радостные крики зрителей, толпившихся у окон. Даже во время падения они продолжали мять и царапать друг друга. Особенно больно царапался желтый.

Когда они коснулись земли, верхним оказался желтый. И когда они наконец расстались, каждому досталось вдоволь и в особенности черному. Он взобрался на стену и, ворча, истекая кровью, исчез, в то время как от окна к окну передавалась весть, что наконец-то Оранжевый Билли как следует отдул Черного Нига.

Либо желтый кот был очень искусный сыщик, либо трущобная киска не слишком усердно пряталась, но он нашел ее среди ящичков, и она не пыталась бежать. Ничто так не порочит женское сердце, как победа на поле боя. Желтый кот и киска вскоре подружились. Не то чтобы они делили жизнь и пищу — это не в обычае у кошек, — они только признавали друг за другом особые приятельские права.

V

Сентябрь прошел. Наступили короткие октябрьские дни, когда в старом ящичке из-под бисквитов произошло важное событие. Если бы сюда явился Оранжевый Билли, он увидел бы пятерых котят, свернувшихся в объятиях своей матери,

маленькой трущобной кошечки. Настало и для нее счастли-
вое время. Она испытывала величайший восторг, она обли-
зывала их с нежностью, удивившей бы ее самое, если бы она
только была способна рассуждать.

В ее безрадостную жизнь вошла радость, но прибавилось
также и забот. Теперь все ее силы уходили на поиски пищи.
Заботы увеличивались по мере того, как росли котятка. Через
шесть недель они начали вылезать из ящичка и лазили всюду
каждый день, как только мать уходила на промысел.

В трущобном мире хорошо известно, что беда идет
тучей, а счастье — полосой. Киска пережила три схватки
с собаками и получила несколько кирпичей от негра —
слуги Японца Мали. Затем произошел перелом. На сле-
дующее же утро она нашла молочный бидон без крышки,
успешно ограбила одного из пенсионеров тачки и отыска-
ла большую рыбью голову — все это в каких-нибудь два
часа. Возвращаясь домой с тем чувством безмятежного
покоя, какое может дать один только полный желудок,
она увидела у себя на дворе маленькое коричневое суще-
ство. Киска вспомнила прежние свои охоты. Она убила
и съела не одну мышь на своем веку и решила, что этот
коричневый зверь, вероятно, крупная мышь с коротким
хвостом и большими ушами.

Она подкрадывалась к нему с ненужной осторожностью.
Маленький кролик только выпрямился и, казалось, поте-
шался над нею. Он и не пытался бежать, и кошка без труда
схватила его.

Так как ей не очень хотелось есть, она отнесла его к ящи-
ку и бросила на кучу котят. Ему не очень было больно. Он
скоро оправился от страха и, видя, что не может выбраться
из ящичка, пристроился к котяткам. Когда же они начали ужи-
нать, он без колебаний присоединился к ним. Кошка опеши-
ла. Охотничий инстинкт одержал было верх над всем осталь-
ным, но она была сыта, и это спасло кролика. В нашей киске
проснулся материнский инстинкт, и она стала кормить кро-
лика своим молоком.

Кролик сделался членом семьи и стал пользоваться уходом и пищей наравне с котятками.

Прошло две недели. Котятка весело резвились среди ящиков в отсутствие матери, кролик же не мог выбраться наружу. Увидав котят на заднем дворе, Японец Мали приказал своему негру перестрелять их, что тот и проделал в одно прекрасное утро, вооружившись двадцатидвухдюймовой винтовкой. Он застрелил одного за другим всех котят. Вдруг на стене показалась взрослая кошка с крысой в зубах. Он готовился застрелить также и ее, но вид крысы изменил его намерение: кошка-крысолов достойна жить.

Эта крыса оказалась первой, когда-либо пойманной нашей киской, но она спасла ей жизнь. Кошка пробралась через кучи хлама к ящику, но, к ее удивлению, ни один из котят не явился на зов. А кролик отказывался есть крысу. Она стала кормить его молоком, продолжая время от времени звать своих котят. Негр подкрался к ящику и, заглянув в него, увидел, к величайшему изумлению, что в нем находятся кошка, живой кролик и мертвая крыса.

Мать-кошка пригнула назад уши и зарычала. Негр удалился, но минутой спустя на ящик опустилась доска, а ящик вместе с его обитателями, живыми и мертвыми, был препровожден в птичий подвал.

— Смотри-ка, хозяин, вот где кролик, который пропал! А ты-то думал, что я его украл!

Кошку с кроликом поместили в большую железную клетку и в течение нескольких дней выставляли как образец счастливого семейства.

Кролик вскоре захворал и умер. А кошка ни на минуту не чувствовала себя счастливой в клетке. Нужды нет, что ей вдоволь давали пить и есть. Она тосковала в неволе и, весьма вероятно, добилась бы скоро свободы или смерти. Но, к своему несчастью, во время четырехдневного заключения в клетке она так хорошо отмыла свою шкурку и шерсть ее оказалась такого необычайного цвета, что Японец решил оставить ее у себя.

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

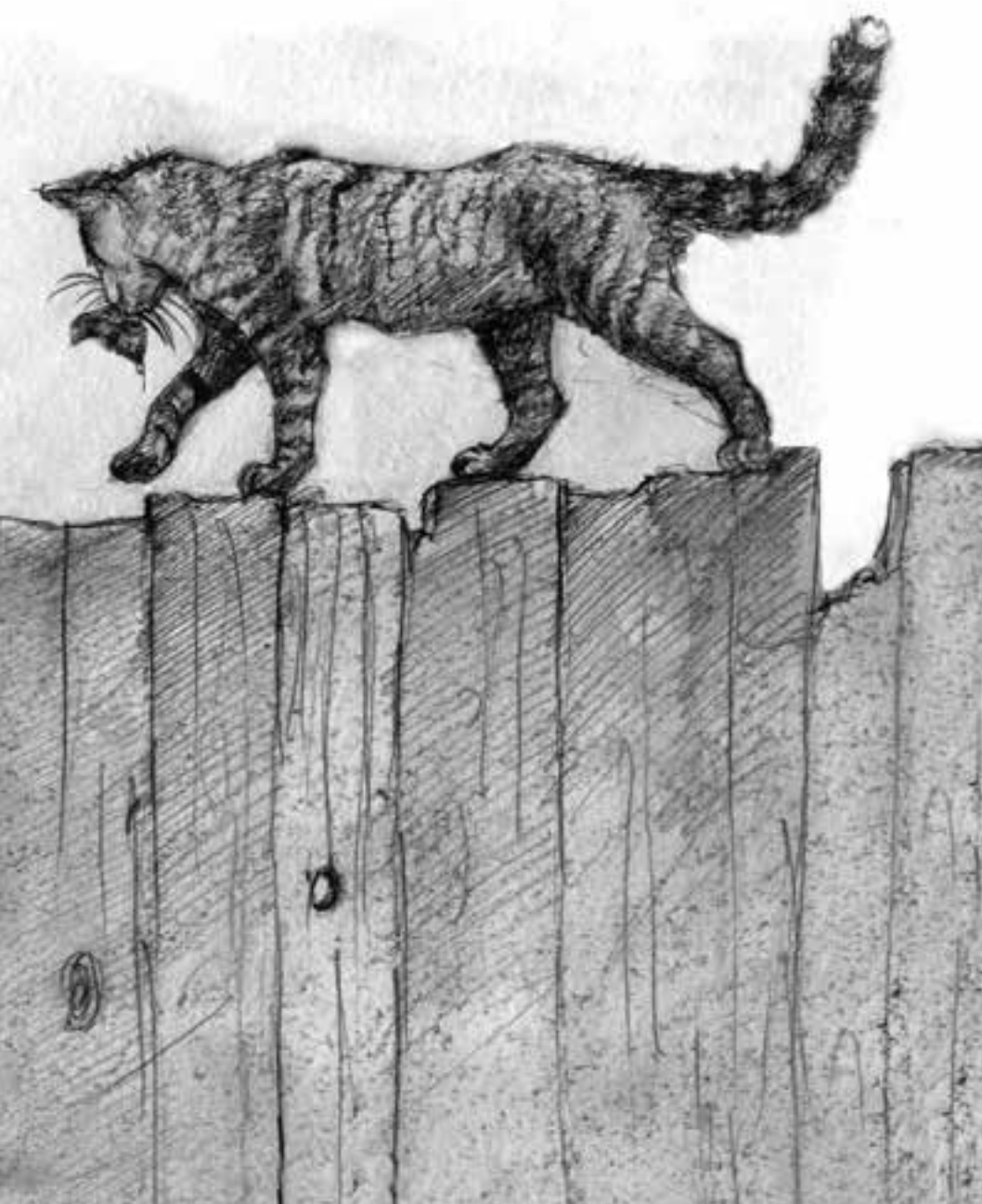
VI

Японец Мали был самый плутоватый из сынов лондонского предместья, когда-либо торговавших дешевыми канарейками в подвальном этаже. Он был очень беден, и негр жил с ним потому только, что уроженец Лондона соглашался делить с ним стол и кровать и вообще считал его равным себе, в то время как американцы обращаются с неграми, словно с собаками.

Японец считал себя честным человеком, хотя всем было известно, что зарабатывал он укрывательством краденых собак и кошек. С полдюжины канареек служили просто-напросто ширмой. Однако Японец не унывал. Он по-своему был не лишен честолюбия и любил, чтобы его считали знатоком своего дела. Однажды он даже отважился представить кошку на великосветскую выставку общества Никербокер, руководясь тремя довольно-таки смутными целями: во-первых, для удовлетворения своего самолюбия; во-вторых, ради дарового входа на выставку; а в-третьих, «надо, знаете ли, присматриваться к дорогим кошкам, если уж занимаешься кошачьим делом». Но выставка была великосветская, и жалкая ангорская полукровка была отвергнута с негодованием.

Единственными интересными для Японца газетными столбцами были те, где помещались объявления о пропаже и находке собак и кошек. Однажды он вырезал и сохранил заметку «о продаже кошек на мех». Этот клочок бумаги был пришпилен к стене лавчонки, и он заставил Японца приняться за жестокий опыт над трущобной кошкой. Прежде всего он вымазал ее грязную шкуру особым снадобьем для уничтожения насекомых. Затем основательно вымыл ее в теплой воде с мылом, невзирая на вопли, когти и зубы. Киска была в ярости. Но когда она стала подсыхать, шерсть ее распушилась, сделалась необыкновенно чистой и мягкой. Японец и его помощник были очень довольны своим опытом. Впрочем, это было только начало: самый опыт еще предстоял

вперед. «Для улучшения меха успешнейшим средством является обилие маслянистой пищи и постоянное пребывание на холодном воздухе» — гласила газетная заметка.

Зима была уже на носу, и Японец Мали выставил клетку киски во двор, защитив ее только от дождя и ветра. Он принялся кормить ее сколько влезет жмыхом¹ и рыбьими головами.

Через неделю уже наступила заметная перемена. Кошка с каждым днем становилась сытее и пушистее; ей нечего было делать, как только набираться жиру и ухаживать за своей шерстью. Клетка содержалась в чистоте, и так как природа, откликаясь на холодную погоду и маслянистую пищу, делала кошачью шубку с каждым днем все пышнее и блестящее, к половине зимы трущобная киска превратилась в кошку редкостной красоты, с чудесной, пушистой шерстью, разрисованной прекрасными полосами. Японец был очень доволен результатом опыта и возмечтал о небывалой славе. Почему бы не послать киску на приближающуюся выставку? Но после прошлогодней неудачи он стал осторожнее.

— Видишь ли, Сэмми, — сказал он негру, — предлагать ее как бродячую кошку не годится. Но мы умаслим Никербокеров. Прежде всего необходимо хорошее имя. Ты понимаешь сам, что здесь нужно что-нибудь «королевское», — ничем так не проймешь Никербокеров, как чем-либо «королевским». Что ты скажешь, например, о Королевском Дике или Королевском Сэме? Однако постой, это все мужские имена. Скажи-ка, Сэмми, как звали тот остров, где ты родился?

— Остров Аналостан был моей родиной, сэр.

— Здорово! Королевская Аналостанка, черт возьми! Единственная Королевская Аналостанка с аттестатом на всей выставке. Умора, да и только!

И оба захохотали во все горло.

¹ Жмых — остатки семян масличных растений после выжимания из них масла.

— Придется только заготовить аттестат.

И друзья принялись за сочинение подробной поддельной родословной.

Однажды в сумерки, украсившись взятым напрокат цилиндром, Сэм вручил кошку и ее аттестат распорядителям выставки. Ведение переговоров предоставлено было негру. Он был когда-то цирюльником на Шестой авеню и умел держаться гораздо солиднее и важнее, чем Мали. Это и было, вероятно, одной из причин, почему Королевская Аналостанка встретила почтительный прием на кошачьей выставке.

Японец очень чванился тем, что его кошка попала на выставку. В нем жило благоговение лондонского лавочника перед высшим обществом. И когда в день открытия он подошел к входу, у него дух занялся при виде целого моря экипажей и цилиндров. Привратник зорко взглянул на него, но, увидев билет, пропустил, вероятно, приняв его за конюха какого-нибудь важного барина, выставившего кошку. В зале перед длинными рядами клеток лежали бархатные ковры. Японец осторожно крался вдоль стен и, поглядывая на кошек разных пород, отмечая голубые и красные бантики, выискивал свою кошку, но не смел спросить о ней и трепетал в душе при мысли, что подумает это пышное великосветское собрание, если узнает, какую он сыграл с ними шутку.

Он видел много премированных животных, но никак не мог найти свою трущобную кошку. Он пробирался сквозь толпу, но киски все не было видно. Японец решил, что произошла ошибка: вероятно, судьи в конце концов отказались ее принять. Нужды нет: он получил свой входной билет и знает теперь, кому принадлежат ценные персидские и ангорские кошки.

Посреди центрального зала помещались первоклассные кошки. Вокруг них собралась целая толпа. Вдоль зала были протянуты веревки, и два полицейских следили за тем, чтобы толпа не задерживалась на месте. Японец пробрался в самую давку. Он был слишком мал ростом,

чтобы заглянуть через плечи, и хотя расфранченная публика сторонилась его отрепьев, он все же никак не мог протиснуться к средней клетке. Однако он понял из замечаний окружающих, что здесь находится самый гвоздь выставки.

— Ну, не красавица ли? — сказала высокого роста женщина.

— Что за изящество! — был ответ.

— Это ленивое выражение глаз создано веками утонченной жизни.

— Приятно бы иметь у себя это великолепное создание!

— Сколько достоинства! Сколько спокойствия!

— Говорят, ее родословная доходит чуть ли не до фараонов.

И бедный, грязный маленький Японец подивился собственной смелости. Неужели ему действительно удалось втиснуть свою трущобницу в такое общество.

— Виноват, сударыня! — Показался директор выставки, пробиравшийся сквозь толпу. — Здесь находится художник «Спортивной газеты», которому заказано сделать набросок с «жемчужины выставки» для немедленного опубликования. Могу ли я попросить вас немножко посторониться? Вот так, благодарю вас.

— О, господин директор, не можете ли вы уговорить продать это великолепное существо?

— Гм, не знаю, — был ответ. — Насколько мне известно, хозяин — человек с большими средствами, и к нему приступить трудно. А впрочем, попробую, сударыня, попробую. Как мне сказал его дворецкий, он насилу согласился выставить свое сокровище... Послушайте-ка, куда вы лезете? — заворчал директор на обтрепанного человека, нетерпеливо отеснившего художника от аристократического животного.

Но обтрепанный человек хотел во что бы то ни стало узнать, где водятся породистые кошки. Он мельком взглянул на клетку и прочел ярлык, гласивший, что «голубая лента и золотая медаль выставки общества Никербокер выданы чистокровной, снабженной аттестатом Королевской Анало-станке, вывезенной и выставленной известным любителем Я. Мали, эсквайром. (Не продается)». Японец перевел дух и снова взглянул. Да, сомнений нет: там, высоко, на бархатной подушке, в золоченой клетке, под охраной четырех полицейских, красуясь бледно-серой с ярко-черными полосами шубкой, чуть-чуть прижмутив голубоватые глаза, лежала его трущобная киска. Ей было очень скучно. Она не ценила поднятого вокруг нее шума.

